
СОВРЕМЕННЫЙ ТАДЖИКСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ

Г.И. Муромцев, Ш.К. Хакимов

Кафедра теории и истории государства и права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется современный этап развития конституционализма в Республике Таджикистан как постсоветского государства посредством историко-правового метода.

Ключевые слова: постсоветское пространство, конституционализм, обеспечение правового развития, правовая доктрина, исламская доктрина, социализм.

Настоящая статья посвящена периоду в развитии таджикского конституционализма, связанному с историческим изломом, который переживает не только Таджикистан, но все народы на постсоветском пространстве. Речь идет о взаимосвязанных и взаимообусловленных явлениях тройкого рода: 1) распаде СССР; 2) вступлении Таджикистана в полосу независимого развития, которая означает 3) переход от социализма марксистско-ленинского толка к буржуазному общественному строю.

В том, как происходит этот процесс, видится проявление закономерностей тройкого рода: 1) общеисторических; 2) свойственных российской (прежде всего советской) истории и 3) отражающих уникальную культурно-историческую специфику самого Таджикистана.

Общеисторические закономерности проявляются в данном случае в нескольких аспектах. Прежде всего, сам переход от одной социальной системы к другой, происходящий в Таджикистане, как и на всем постсоветском пространстве, отражает закономерность истории, по которой формы социальной жизни, тормозящие развитие общества, могут в известных условиях быть заменены новыми формами, более адекватными его потребностям. Распад СССР был вызван прежде всего неспособностью советской социально-политической системы обеспечить дальнейшее развитие общества. Поэтому государственность на постсоветском пространстве была нацелена в первую очередь на его переустройство.

Рецепцию иностранного права, прежде всего в конституционной области, столь широко применяемую в постсоветском Таджикистане (как и в целом на постсоветском пространстве), также следует отнести к общеисторическим закономерностям правового развития.

В истории есть множество примеров того, как тот или иной народ (общество, государство), столкнувшись с проблемами, которые уже успешно решены посредством права другими народами, использует этот опыт в своих интересах.

Мы уже отмечали, что в досоветский период таджикской истории Россия была своеобразным каналом, через который Таджикистан воспринимал европейские конституционные идеи, институты и принципы. В советский период конституционное развитие Таджикистана определялось его местом в структуре советской федерации.

Теперь впервые в своей истории он получил возможность самостоятельно определять степень необходимости и направленность восприятия иностранного конституционного права.

Видимо, к общемировым следует отнести и закономерность, состоящую в том, что новое общество в переходные эпохи, как правило, развивается на фундаменте старого общества. Отсюда неизбежность «родимых пятен» этого общества, проявляющихся в новых социальных условиях. Речь идет о стереотипах общественного сознания, социального поведения, юридической техники и т.д.

Историческая инерция проявилась в данном случае в некритическом использовании таджикской политической элитой постсоветского российского опыта конституционного строительства и, соответственно, в повторении российских ошибок в этой области. Здесь мы входим в область закономерностей, отражающих специфику новейшей российской и таджикской истории.

Как известно, российская Конституция 1993 г. содержит немало положений, заимствованных из конституций развитых стран Европы и Америки. При этом ее авторы проигнорировали, как минимум, два существенных обстоятельства, во многом предопределивших степень реальности будущей Конституции. Это, во-первых, то, что страны-доноры, Конституции которых использовались как образцы для подражания, находились на стадии высокоразвитого капитализма, тогда как Россия лишь вступала в стадию буржуазного развития.

Второй момент состоял в игнорировании закономерностей перехода от социализма марксистско-ленинского толка к буржуазной социальной системе. Так, буржуазным революциям в Европе предшествовал период созревания буржуазных отношений в недрах добуржуазного общества (которое, видимо, уже нельзя было назвать феодальным). Политической формой этого периода был абсолютизм как период временного равновесия сил между феодальной аристократией и буржуазией.

Даже марксизм признавал, что в такие исторические эпохи государство перестает быть орудием политического господства лишь одного класса. Оно как бы возвышается над борющимися классами, балансируя между ними и используя их борьбу в своих интересах [12. С. 199]. В советской правовой и философской литературе этот тезис получил дальнейшее развитие в концепции исключительной самостоятельности государства [4].

В ленинских работах немало места уделено вопросу о предпосылках перехода к социализму, под которыми понималась прежде всего степень зрелости капитализма. При явной их незрелости в России большевики, следуя теории марксизма, приступили к строительству собственно социализма лишь по преодолении переходного периода от капитализма к социализму, который занял почти 20 лет.

В свете предшествующего исторического опыта демонтаж советской социально-политической системы на постсоветском пространстве, кроме, пожалуй, республик Прибалтики отличался существенными особенностями.

Речь идет об уникальной исторической ситуации, когда в огромной стране, составной частью которой был и Таджикистан, дважды за период менее столетия диаметрально менялся вектор общественного развития. В итоге с распадом СССР историческое развитие означало по сути возврат страны к тому общественному строю, который уже был однажды отвергнут с приходом к власти большевиков. Это обусловило парадоксальность перехода народов, населявших СССР, от социализма к капитализму. Он осуществлялся по существу при отсутствии необходимых для этого социально-экономических и культурных предпосылок. Так, накануне распада СССР в стране отсутствовали как буржуазные отношения собственности, так и класс — носитель этих отношений. Общественное сознание не включало сегмента буржуазной и правовой идеологии, а политическая система общества — достаточно развитых политических партий, готовых взять власть и провести в стране реформы буржуазного толка.

Более того, в условиях тоталитарного советского общества слово «капитализм» было почти равносильно ругательству, что обусловило парадоксальность видения ситуации на уровне общественного сознания.

Так, сторонники демонтажа советской системы при изложении своих программ поначалу избегали этого термина, называя себя демократами, а преобразования — демократическими. Такая ситуация была характерна как для союзного центра, так и для союзных республик.

В этих условиях локомотивом преобразований стала, прежде всего, партийно-советская номенклатура. Заметим, что нигде в истории борьбу за новое общество в революционные эпохи не возглавляли политические силы, олицетворявшие старую власть.

Думается, во многом по этой причине при подготовке проекта Конституции России 1993 г. возобладал легковесный подход, согласно которому переход от социализма к капитализму происходил «с сегодня на завтра», т.е. с момента принятия Конституции. И это при отсутствии в стране гражданского общества, законодательства, системно адекватного положениям Конституции, демократических традиций в обществе и т.д.

Между тем большевики в свое время были здесь более последовательными. Так, в Конституции РСФСР 1918 г. нормы о правах и свободах граждан содержали оговорки об их ограниченном действии вплоть до окончания переходного периода. А первая Конституция СССР 1924 г. вообще не содержала таких норм, ограничившись закреплением лишь структуры власти.

Отсутствие в Конституции РФ 1993 г. положений о необходимости исторически переходного периода и провозглашение России с момента ее принятия демократическим, правовым и социальным государством, а прав человека — высшей ценностью предопределяли фиктивность по крайней мере значительной части этих фундаментальных положений.

Авторы Конституции Республики Таджикистан 1994 г. повторили ту же ошибку. В ней также проигнорирован переходный период, необходимый для демонтажа советской системы, создания основ гражданского общества, представительной демократии, иного механизма взаимодействия государства и общества и т.д. В итоге, как и в России, институты и принципы развитого капитализма здесь были введены «с сегодня на завтра».

В условиях Таджикистана это должно было привести к еще большему, чем в России, «люфту» между Конституцией и реальной жизнью. Ведь будучи наименее развитой из всех бывших советских республик, Таджикистан существенно отставал от России по своим социально-экономическим характеристикам. Фиктивности Конституции способствовало также радикальное изменение «системы координат», в которых Конституция создавалась.

В самом деле, в советское время строительство социализма в Таджикистане начиналось при помощи и под руководством промышленного российского центра. Республике оказывалась кадровая, организационная, экономическая, финансовая и прочие виды помощи, которая была важным фактором экономического, социального и культурного прогресса Таджикистана. Не удивительно поэтому, что Таджикистан, как и другие советские республики Средней Азии, не ставил вопроса о выходе из состава СССР.

С провозглашением независимости ситуация радикальным образом изменилась. Были нарушены экономические связи с Россией. Закончилась монополия на власть единственной политической партии и ее идеологии. На политическую арену в республике наряду с Компартией Таджикистана стали выходить иные политические партии и движения, в том числе выступавшие под знаменем ислама. Последний, как известно, в течение веков был здесь господствующей формой общественного сознания. Ее сохранению в Таджикистане способствует целый ряд факторов.

Это, прежде всего, социально-экономическая отсталость. Ее отражением является социальная структура общества, в котором подавляющая часть — это по-прежнему сельское население. Еще Гегель отмечал, что в аграрном обществе, где веками, из года в год воспроизводится один и тот же производственный цикл, а результат труда во многом зависит от факторов, не подвластных человеку, — в таком обществе господствует религия как форма общественного сознания [3. С. 22–23, 284].

В рамках религиозного видения мира всякая власть воспринимается как исходящая от Бога. Гегель в данном случае имел в виду, прежде всего, христианскую религию как элемент европейской культуры. Ислам отличается от нее, как минимум, тремя особенностями.

Это, во-первых, тем, что, процесс его формирования шел параллельно с возникновением права и государства. В отличие от этого, христианство возникает в условиях достаточно развитой государственности. Поэтому на Востоке в первые века ислама религия, право и государство выступают в слитном единстве, тогда как в христианской Европе сферы религии и политической власти разделены.

Во-вторых, ислам, как и все религии Востока, не знал реформации. В его рамках до сих пор действуют фундаменталистские течения, рассматривающие мир с позиций раннеклассового общества. Право и государство для них — лишь элементы слитной религиозно-философской исламской доктрины.

В-третьих, государство в странах Ближнего и Среднего Востока в известном смысле отождествляется в конституциях с общиной верующих (по-арабски — умма), тогда как в Европе церковь отделена от государства.

Не удивительно поэтому, что острейший характер приобрела в республике борьба по вопросу о том, светским или религиозным должно быть независимое таджикское государство. Еще К. Маркс отмечал, что там, где религия не изгнана из сферы политики, там на религию смотрят политически, а на политику религиозно [8. С. 14].

В Таджикистане — единственной из среднеазиатских постсоветских республик — острота вопроса о статусе ислама была столь значительной, что дело дошло до гражданской войны (1992–1997 гг.). И хотя она закончилась компромиссом и в Конституции был закреплен светский характер государства, однако оно еще не воспринимается по-европейски, т.е. как управляющий, стоящий на службе общества, которого это последнее может при необходимости сменить (правовое государство). Под ним понимают властную структуру, стоящую над обществом и гражданином и требующую беспрекословного подчинения (исламское государство, тоталитарное советское государство).

Немаловажен также следующий аспект проблемы.

Сельское население Таджикистана в значительной своей части проживает в горной местности. Исторический опыт свидетельствует, что горный рельеф, оторванность от транспортной инфраструктуры и промышленных центров способствуют консервации клановых структур, соответствующей психологии и норм поведения.

В Таджикистане влияние семейно-клановых структур проявляется как на бытовом, так и на политико-государственном уровне. Это влияние проявляется в существовании своеобразного «второго этажа» в правовом регулировании общественных отношений.

Возникшие в условиях горной местности и перенесенные на почву города древние обычаи, уходящие корнями в родоплеменные структуры, подчас серьезно осложняют городскую жизнь. Поэтому политико-государственные структуры в Таджикистане сравнимы со своеобразным айсбергом, видимую часть которого представляют государство, политические партии и движения, а невидимую — клановые структуры как своеобразный «теневой» уровень иерархии в политической системе общества. Поэтому борьба за распределение депутатских мандатов и государственных постов, формально ведущаяся в рамках конституционно закрепленных процедур и институтов, может скрывать интересы остающихся «в тени» различных кланов, патриархальных семей и т.д.

И наоборот: борьба (либо поражение) на выборах тех или иных партий может иметь немалое значение с точки зрения усиления (либо ослабления) позиций остающихся в тени клановых группировок.

Как известно, концепция демократического, правового и социального государства родилась в условиях развитого капитализма.

Таджикский капитализм находится лишь в начальной стадии своего развития, в таджикском обществе по-прежнему сильны пережитки добуржуазной политической и правовой культуры. В этих условиях перенос на таджикскую культурно-историческую почву принципов конституционализма, характерных для высокоразвитых буржуазных стран, предполагает более высокую, чем в России, степень фиктивности Конституции и более продолжительный переходный период.

От анализа культурно-исторического аспекта проблемы перейдем к рассмотрению самого процесса становления и эволюции таджикского конституционализма в период независимости.

Анализ событий, связанных с распадом СССР и вступлением Таджикистана на путь независимого развития, приводит к методологически важному выводу, что исследование таджикского конституционализма этого периода следует начать с той точки советской истории, когда конституционное развитие СССР стало все более отдаляться от своих прежних советских стандартов. Этой точкой следует признать начало перестройки (весна 1985 г.).

Именно развитие в рамках перестройки, направленной поначалу на «исправление» социализма, привело в конечном счете к его краху.

В этом же русле развивался тогда и таджикский конституционализм.

Основным противоречием этого периода был углублявшийся конфликт между советской моделью конституционализма и потребностями демократического развития. Он разрешался путем внесения в действующую Конституцию Таджикской ССР 1978 г. (так же как это делалось и на союзном уровне) многочисленных поправок, которые все более изменяли ее сущность и создавали предпосылки для качественно новой социальной модели. В частности, была отменена шестая статья Конституции о руководящей роли КПСС, установлено, что все организации и движения «действуют в рамках Конституции Таджикской ССР и законов Таджикской ССР» (ст. 7), провозглашено право граждан на объединение, участие в массовых движениях (ст. 49). Существенные изменения внесены в структуру государственной власти и управления. Учреждена президентская власть. Реорганизованы Верховный Совет и Правительство республики.

Новое содержание Конституции отражало противоречивый процесс движения Таджикистана в рамках советской политической системы к постепенной ее демократизации. Еще сохраняет власть партийная и государственная бюрократия, а все главные нити управления по-прежнему сосредоточены в ЦК КП Таджикистана [5. С. 13–14; 7. С. 73–74].

Происходила постепенная смена механизмов властвования: от административно-командной системы, свойственной однопартийному режиму, к осуществлению власти на основе волеизъявления избирателей.

Необходимость такой демократизации признавало большинство таджикского общества. Однако полосой разделения был вопрос о степени демократизации: проводится ли она лишь в рамках социализма либо должна преодолеть

их и привести к созданию типологически иной политической системы общества? В отличие от России, где типологически иной могла быть лишь буржуазная политическая система, в Таджикистане альтернативной ей могло выступить и теократическое исламское государство.

В ходе конституционных преобразований проявлялась борьба этих тенденций, при этом, как уже отмечалось, не всегда в мирных формах, отражаясь в противоречивости реформ, их непоследовательности, несоответствии формы и содержания и т.д.

Они осуществлялись в условиях жесткого противостояния между демократическими силами и сторонниками Компартии Таджикистана. Отсюда — необычайная их противоречивость.

Так, согласно Закону от 29 ноября 1990 г. «Об учреждении поста Президента Таджикской ССР и порядке его избрания» первый президент должен был избираться Верховным Советом путем тайного голосования, а не на всеобщих выборах, причем на срок полномочий Верховного Совета Таджикской ССР XII созыва, т.е. на 5 лет. После этого Верховный Совет в чисто советском стиле избрал Президентом республики Махкамова К.М., который после избрания сохранял и обязанности первого секретаря ЦК КП Таджикистана.

Декларация «О государственном суверенитете Таджикской ССР», принятая Верховным Советом Таджикской ССР 24 августа 1990 г., положила начало новому этапу конституционно-правового развития Таджикистана (1990–1994 гг.) — этапу подготовки новой Конституции. В Декларации наряду с подтверждением намерений республики войти на равноправной договорной основе в Союз Суверенных Республик были впервые установлены четыре принципиальные для состояния конституционализма в Таджикистане государственно-правовые нормы:

– о верховенстве конституции и законов республики на территории Таджикской ССР, «за исключением вопросов, добровольно делегированных ею Союзу», и о праве Республики «приостанавливать на своей территории действие законов и других актов высших органов Союза, нарушающих суверенные права и Конституцию Республики»;

– об исключительной собственности Таджикской ССР, составляющей основу ее суверенитета, на землю и недра, воды и воздушное пространство, растительный и животный мир, другие ресурсы, культурные и исторические ценности народа, на экономический и научно-технический потенциал, «все национальное богатство, имеющееся на ее территории», а также закреплялось «право Таджикской ССР на свою долю в общественном имуществе соответственно вкладу республики, в том числе в алмазном, валютном фондах и золотом запасе»;

– о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную и о праве Таджикской ССР определять свою избирательную систему и самостоятельно проводить выборы;

– о праве Таджикской ССР «выступать самостоятельным субъектом международных отношений, определять внешнюю политику в своих интересах...».

Согласно Постановлению Верховного Совета Таджикской ССР от 23 августа 1990 г. была образована Конституционная Комиссия, а позже и рабочая группа, которая подготовила первый вариант проекта новой Конституции Таджикской ССР, состоявшей из 7 разделов (некоторые разделы подразделялись на главы) и 150 статей.

Проект Основного Закона предусматривал сохранить в республике социалистический путь развития, а также провозглашал Таджикскую ССР суверенным демократическим правовым государством.

В связи с августовскими событиями 1991 г., связанными с ГКЧП, и прекращением существования СССР как геополитической реальности и субъекта международного права обострилась социально-политическая обстановка в Таджикистане. Подал в отставку первый президент Республики Таджикистан К.М. Махкамов, он же — первый секретарь ЦК КП Таджикской ССР [9. С. 21–22]. Верховный Совет республики принял Постановление о запрете Компартии Таджикистана [9. С. 65–70, 232].

Чрезвычайно важное значение для дальнейшего развития таджикского конституционализма имел распад СССР. 9 сентября 1991 г. принимаются два конституционных акта — «Заявление о государственной независимости Республики Таджикистан» и Постановление Верховного Совета Республики Таджикистан «О провозглашении государственной независимости Республики Таджикистан» [1]. В Заявлении ключевые идеи Декларации о суверенитете Таджикской ССР [9. С. 213–214] приобретали во многом иной смысл. В частности, в нем однозначно подчеркивалось, что «Республика Таджикистан отныне строит свои взаимоотношения со всеми государствами на принципах международного права, как и подобает независимому государству». Содержание Заявления свидетельствовало о том, что понятие «суверенитет» употребляется в нем уже в общепринятом значении.

На следующий день, 10 сентября 1991 г., был принят Закон «Об изменении наименования Таджикской Советской Социалистической Республики», которым она была переименована в Республику Таджикистан [6]. Вместе с тем провозглашение государственной независимости Таджикистана было вынужденным шагом, обусловленным пагубными для СССР последствиями ГКЧП.

Летом 1992 г. был опубликован проект новой Конституции Республики Таджикистан. Он состоял из преамбулы, семи разделов, двенадцати глав, ста тридцати шести статей и переходных положений [11. С. 126–128]. Особенностью проекта было то, что впервые в новейшей истории государственности и конституционно-правового развития республики проект был опубликован на таджикском (государственном) языке. В преамбуле проекта Конституция провозглашалась от имени таджикского народа.

К сожалению, этот процесс был прерван из-за неспособности отдельных политических сил идти на компромисс для достижения консенсуса по проблемам обустройства таджикской государственности. В результате произошла дестабилизация внутривнутриполитической обстановки. В стране началась гражданская

война. Разумеется, в этих условиях было невозможно завершить работу по принятию новой Конституции.

В центре политической борьбы оказался вопрос о роли ислама и религиозных партий в новой политической системе. Поскольку в действующей Конституции об этом ничего не говорилось, то 25 декабря 1991 г. Верховный Совет Республики Таджикистан принял Закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Республики Таджикистан».

В принятом Законе говорилось: «Статью 1 после слова “правовое” дополнить словом “светское”» [2. С. 56]. Именно с этого момента Республика Таджикистан была определена как демократическая, правовая и светская по своей сущности.

В итоге в Таджикистане продолжала действовать старая Конституция, с многократно внесенными в нее изменениями и дополнениями, посредством которой решить задачи конституционной реформы было невозможно.

В соответствии с Постановлением Верховного Совета Республики Таджикистан, принятым на семнадцатой сессии 26 июня 1993 г. «О внесении изменений и дополнений в Постановление Верховного Совета Республики Таджикистан» от 23 августа 1990 г. «Об образовании комиссии по подготовке проекта новой Конституции (Основного Закона) Республики Таджикистан» в августе 1993 г. была создана новая комиссия во главе с Председателем Верховного Совета Республики Таджикистан Э.Ш. Рахмоновым [10]. Новая Конституция Республики Таджикистан была принята путем референдума 6 ноября 1994 г.

Обобщая сказанное, мы должны сделать вывод, что переходный период от тоталитарного советского строя к демократическому (буржуазному) строю начался для Таджикистана (как и для всех остальных советских республик) с 1985 г., т.е. с началом перестройки. Многочисленные поправки, внесенные в ходе этого процесса в Конституцию Таджикской ССР 1978 г., свидетельствовали о том, что Таджикистан, как и советское общество в целом, все более отдалялся от той модели социализма марксистско-ленинского толка, которая изначально была закреплена в этой Конституции. Первоначальный лозунг достижения «социализма с человеческим лицом» был отброшен. Словосочетание «советская социалистическая республика» исчезло из официального названия Таджикского государства.

Это означало, что ориентиром для дальнейшего развития стала политико-экономическая система буржуазного типа. То, что она должна была строиться с нуля в условиях значительных добуржуазных пережитков, обуславливало необходимость длительного переходного периода, который должен был найти отражение как в содержании, так и в характере таджикской конституции (например, в принятии Временной конституции).

Однако никто на постсоветском пространстве не знал закономерностей перехода от «высшей и последней» стадии государственно-правового развития — социализма назад, к капитализму. Поэтому Таджикистан (как и другие республики СССР) был обречен идти единственно возможным путем — через восприятие конституций уже развитых буржуазных стран.

В итоге вместо основ уже сложившегося общественного и государственного строя Конституция изначально закрепляла лишь контуры той социально-политической системы, которую еще предстояло создать. Однако из текста Конституции следовало, что она уже построена. Историческая логика была нарушена.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. — 1991. — № 18. — Ст. 238.
- [2] Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. — 1992. — № 5.
- [3] *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. — М., 1990.
- [4] *Гулиев В.Е.* Империалистическое государство. — М., 1965.
- [5] *Достиев А.С.* Конституция Республики Таджикистан 1994 года: история разработки, принятия и основные положения: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Душанбе, 1999.
- [6] Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Таджикистан» от 10.09.1991 // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. — 1991. — № 18. — Ст. 244.
- [7] *Имомов А.* Конституционно-правовые проблемы развития Республики Таджикистан (1992–1998). — Душанбе, 1998.
- [8] *Маркс К.* К еврейскому вопросу. — М., 2001.
- [9] *Назриев Д., Сатаров И.* Республика Таджикистан: История независимости. Год 1991-й (хроника событий). — Душанбе, 2002.
- [10] Народная газета. — 1993. — 29 июня.
- [11] *Хакимов Ш.К.* Становление и развитие конституции как политико-правового института в Таджикистане. — Душанбе, 2002.
- [12] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М., 1985.

MODERN TAJIK CONSTITUTIONALISM: FORMATION SPECIFICITY AND EVOLUTION

G.I. Muromtsev, Sh.K. Khakimov

The Department of Government and Law Theory and History
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya, st., Moscow, Russia, 117198

The article analyses the modern period of the constitutionalism development in Tajik republic as a post-Soviet state using historical and legal method

Key words: post-soviet space, constitutionalism, provision of legal development, legal doctrine, Islamic doctrine, socialism.